

Предъ Тобольскими торжествами.

(По поводу Тобольскихъ торжествъ).

Давно, съ самаго момента блаженной кончины, чтить Тобольскъ память Святителя Іоанна Максимовича. Особенно это почитаніе усилилось въ минувшемъ XIX вѣкѣ. О послѣднихъ тридцати годахъ я, тоболякъ по рожденію и воспитанію, могу судить какъ очевидецъ и свидѣтельствую, что за это время всѣ вѣрующіе тоболяки были глубоко убѣждены въ святости Святителя Іоанна и съ несомнѣнной увѣренностью ждали его церковнаго прославленія. Они были твердо убѣждены, что Святитель Божій не останется подъ спудомъ, а возсіяетъ на свѣщницѣ. Они не знали только того, когда наступитъ этотъ давно желанный святой день, когда, по выраженію одного Преосвященнаго витіи, запоютъ Святителю Іоанну не „Вѣчную память“, а „Величаемъ ты“...

Мнѣ приходилось и нерѣдко встрѣчать въ Тобольскѣ старцевъ, которые высказывали два завѣтныхъ пожеланія: видѣть и поклониться мощамъ Святителя Іоанна и умереть по-христіански.

Живо припоминаются тѣ долгіе, зимніе вечера, когда вся наша семья внимательно слушала рассказы о жизни, блаженной кончинѣ и о чудесахъ благодатной помощи, бываемыхъ при могилѣ Святителя. Припоминается, что во всѣ трудныя минуты, какъ наша семья, такъ и семьи нашихъ знакомыхъ обращались за утѣшеніемъ и помощью или къ Абалакской Иконѣ Божіей Матери, или къ Святителю Іоанну. Былъ случай. Умеръ близкій намъ человѣкъ, оставилъ жену и малыхъ дѣтей. Вдова была въ такомъ отчаяніи, что боялись за умъ и жизнь ея. Она, съ какимъ-то доводящимъ до жуткости, тупымъ упорствомъ смотрѣла въ одну точку и, безучастная къ дѣтямъ и близкимъ, молчала, или истерично рыдала, выкрики-

вая имя дорогого покойника, и злобно гнала отъ себя всѣхъ, кто попадалъ ей на глаза. Не разъ у ней отбирали веревки и ножи.

Однажды утромъ она куда-то исчезла, никѣмъ не замѣченная. Семья сильно встревожилась, начались поиски. Часа черезъ два она вернулась тихая, успокоенная, и въ глазахъ ея свѣтилась та тихая грусть—любовь, которая даетъ силу на самоотверженіе, на подвигъ любви. Она привѣтливо поздоровалась съ семьей, приласкала дѣтей и заговорила: „Была у Митрополита Іоанна, помолилась, поплакала, а теперь твори, Господи, свою волю“.. И вновь заплакала тихими, цѣлительными слезами. Для семьи мать, для жизни человѣкъ были возвращены.

Много разъ потомъ я видѣлъ эту женщину колѣнопреклоненной у раки Святителя, или тамъ, гдѣ горе, болѣзнь, отчаяніе. Тамъ она, съ улыбкой грустной любви дѣлала незамѣтное, но великое дѣло человѣколюбія и посылала всѣхъ къ Святителю Іоанну за силой и утѣшеніемъ.

Святители Тобольскіе сочувствовали своей паствѣ, и день прославленія приближался.

Свѣтлой памяти Высокопреосвященнѣйшій Антоній много потрудился, чтобы, возможно, приблизить этотъ вождѣльный для Тобольска день. При немъ издавались книги и листы о Святителѣ, и онъ потрудился надъ устройствомъ раки для мощей угодника Божія.

Другой архипастырь Тобольскій, Епископъ Алексій всенародно молился, да сподобитъ Господь Тобольскъ и Россію пѣть не „Вѣчную память“, а „Величаемъ Тя, Святителю отче Іоанне“...

Для всѣхъ становилось понятно, что день Господень приближается, и вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и нетерпѣніе почитателей Святителя. Мы, духовенство, часто слышали вопросы: „Скоро ли?“ И вотъ великими трудами нынѣшняго Архипастыря Тобольской церкви Преосвященнѣйшаго Варнавы пришло время, и день прославленія Святителя былъ опредѣленно указанъ посланіемъ Святѣйшаго Синода, и радостно всколыхнулась вся громадная Тобольская епархія, и радость эта отразилась во всѣхъ концахъ необъятной матушки Россіи.

Многіе тоболяки, заброшенные судьбою за многія тысячи верстъ отъ родного города, начавшіе забывать о своей связи съ Тобольскомъ, теперь ярко вспомнили свою тихую, забро-

шенную родину, и ихъ неудержимо потянуло туда, ко крутымъ берегамъ могучаго Иртыша, къ роднымъ, съ дѣтства, мѣстамъ, къ дорогимъ святынямъ.

Во время самыхъ торжествъ мнѣ пришлось видѣть и разговаривать со многими, кого я много лѣтъ назадъ видѣлъ или зналъ мальчиками или юношами, о которыхъ я зналъ, что они давно и навсегда покинули родной городъ. Всѣ они говорили, что тамъ, на далекой чужбинѣ, они давно устроились и родныя палестины начали позабывать. Тобольскъ для нихъ становился только звукомъ. Теперь же, при вѣсти о прославленіи Святителя Іоанна ихъ неудержимо потянуло въ Тобольскъ, и они, побросавши свои дѣла, пріѣхали...

Отозвались и пріѣхали въ Тобольскъ многіе изъ тѣхъ, кто никогда въ Тобольскѣ не былъ и ничего общаго съ Тобольскомъ не имѣлъ. Но главнымъ образомъ въ Тобольскъ во всѣхъ сторонъ шли и ѣхали „простые русскіе люди“. По всѣмъ дорогамъ, проселкамъ къ Тобольску двигались партіи запыленныхъ, усталыхъ богомольцевъ. Пароходы привозили сотни и тысячи людей. Всѣ эти люди шли къ Святому Угоднику, неся восторженную, горящую душу, или изломанную отягченную совѣсть, или безысходную скорбь-болѣзнь. Никогда за всю трехсотлѣтнюю жизнь старикъ-Тобольскъ не видалъ на своихъ стогнахъ такого скопленія народа. Никогда тутъ не было пролито столько слезъ горя и умиленія. А сколько было такихъ, кто и хотѣлъ бы пойти въ Тобольскъ, да не могъ. Въ моемъ приходѣ среди послѣднихъ возникла мысль пріобрѣсти икону Святителя.

„Не привелъ Господь побывать у раки Святителя и помолиться у Св. Гроба его, такъ, быть можетъ, сподобить приложиться и помолиться ко Св. иконѣ Его, освященной на честныхъ мощахъ новопрославленнаго угодника Божія“, рассуждали они и начали сборъ. Вначалѣ надѣялись собрать рублей 40 или 50, но были пріятно удивлены, когда черезъ недѣлю оказалось собраннымъ 150 рублей. Болѣе 50 человекъ нашихъ прихожанъ отправились пѣшкомъ въ Тобольскъ, чтобы помолиться у Св. Гроба Угодника и принести домой св. икону. Теперь св. икона пріобрѣтена, Господь привелъ освятить ее на мощахъ угодника, и теперь ее несутъ къ родному храму.

Усердное „Святителю отче Іоанне, моли Бога о насъ“ впервые оглашаетъ Ишимскія степи.

Пріѣхавши въ Тобольскъ еще въ маѣ мѣсяцѣ, я не узналъ родного города. Его тихія, пустынные улицы были переполнены самой разнородной толпой. Тутъ можно было встрѣтить все, начиная отъ первобытнаго наряда остяка до сверхъизысканнаго наряда дамъ, одѣвающихъ по послѣднему, и сказать правду, истеричному воплю моды. Отъ невиннаго мальчика, дикаря-дитяти непроходимой сѣверной тундры до убѣленныхъ сѣдинами профессоровъ столичныхъ храмовъ науки.

Квартиры были переполнены, припасы первой необходимости вздорожали... Однихъ влекла сюда вѣра и горящее ею сердце, другихъ пытливый умъ, третьихъ... любопытство.

Храмы были переполнены и мѣстное духовенство не могло удовлетворить религіозныя нужды ищущихъ духовнаго утѣшенія. Пришлось принять нѣкоторое участіе въ трудѣ мѣстнаго духовенства и намъ пріѣзжимъ.

Я, лично, болѣе чѣмъ доволенъ тѣмъ, что мнѣ пришлось помогать исповѣдующимъ. Не смотря на то, что я священствую около пятнадцати лѣтъ, но мнѣ казалось, что я исповѣдую первый разъ.

Тутъ совсѣмъ не та, такъ всѣмъ намъ знакомая, масса простого сѣраго люда, покойно ищущаго исполнить священный долгъ покаянія. Тутъ всѣ отъ мала до велика переживали высочайшій подъемъ религіознаго чувства, напряженнаго стремленія къ покаянію. Духовникамъ совершенно не нужно было „убѣждать, увѣщавать, умолять“, а нужно было только принимать горячую восторженную исповѣдь, обнажающую глубочайшіе тайники изстрадавшейся души, драмы борьбы съ грѣхомъ, ужасы паденія. Все это охватывало духовника какимъ-то особеннымъ, высокимъ чувствомъ, и онъ переживалъ вмѣстѣ съ кающимся его драму, вмѣстѣ съ нимъ радовался покаянію, и вдохновенно звучалъ его голосъ на словахъ: „Прощаю и разрѣшаю“.

Онъ чуть ли не осязательно чувствовалъ, что онъ именно „прощаетъ“, именно „разрѣшаетъ“—властію Его намъ данною.

Свящ. П. Александровъ.